

Научная статья

УДК 81'11

DOI 10.17223/18137083/80/24

Репрезентация экспертного знания в дискурсивных практиках судьи

Ольга Александровна Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Иркутск, Россия

olgaa_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Аннотация

Исследуются дискурсивные стратегии и языковые средства репрезентации экспертного знания в напутственном слове судьи. Анализ эмпирического материала показал, что для преодоления когнитивно-коммуникативных проблем в условиях асимметрии знания судьи используют следующие дискурсивные стратегии: 1) дефиниция – экспликация значения термина посредством указания на его отличительные признаки; 2) дескрипция – нарративная передача экспертных знаний посредством установления их связи с обыденными знаниями; 3) экземплификация – апелляция к опыту путем соотнесения юридических категорий с конкретными объектами; 4) метафоризация – интеракция между двумя объектами на основе их сходства, в результате которого юридические категории приближаются к повседневному опыту; 5) синонимизация – замена абстрактных юридических понятий лексическими единицами естественного языка.

Ключевые слова

дискурс, юридический язык, экспланаторная стратегия, юридический термин, дефиниция, метафора

Для цитирования

Богинская О. А. Репрезентация экспертного знания в дискурсивных практиках судьи // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 310–324. DOI 10.17223/18137083/80/24

Representation of expert knowledge in institutional discourse practices

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University

Irkutsk, Russian Federation

olgaa_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Abstract

A jury trial involves both legal professionals and laymen without legal training and knowledge. This heterogeneity of participants indicates the asymmetric relationships in the courtroom. Since jurors play a crucial role in the trial, it is extremely important for them not

© Богинская О. А., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 310–324

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 310–324

to experience difficulties in understanding and interpreting the discursive practices of lawyers. The paper studies the discursive strategies and linguistic means of expert knowledge representation in the institutional genre of “judicial instructions.” Although regularly used to overcome knowledge asymmetry in the process of communication between professional lawyers and jurors, explanatory strategies in the Russian-language judicial instructions have not previously been the object of linguistic analysis. The hypothesis has been put forward stating that explanatory strategies help to overcome difficulties in understanding and interpreting legal texts by non-professional participants. The analysis of the corpus has shown that Russian judges use the following explanatory strategies to overcome cognitive and communicative problems amid the knowledge asymmetry: 1) definition, i.e., explication of the meaning of a term by indicating its distinctive features; 2) description, i.e., a narrative transfer of expert knowledge by establishing its connection with everyday knowledge; 3) exemplification, i.e., an appeal to the everyday experience by correlating legal categories with specific objects or events of everyday life; 4) metaphorization, i.e., interaction between two objects or phenomena based on their subject, feature, or functional similarities resulting in legal categories approaching the everyday experience; 5) synonymization, i.e., replacement of abstract legal concepts with everyday lexical units that have similar meanings.

Keywords

discourse, legal language, explanatory strategy, legal term, definition, metaphor

For citation

Boginskaya O. A. Representation of expert knowledge in institutional discourse practices. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 310–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/24

В суде присяжных участвуют как профессиональные юристы, так и непрофессионалы, не имеющие юридической подготовки и знаний. Данная субъектная гетерогенность свидетельствует об асимметричных отношениях, складывающихся в зале суда. Поскольку присяжные заседатели играют решающую роль в судебном процессе, определяя судьбу подсудимого, крайне важно, чтобы они не испытывали трудностей понимания и интерпретации высказываний, составляющих дискурсивные практики агентов юридического поля.

Проблемам коммуникативного взаимодействия экспертов и носителей обыденного знания в юридическом поле посвящен целый ряд исследований [Anesa, 2009; 2016; Ciapuscio, 2003; Gotti, 2014; Heffer, 2005; Rose, Ogloff, 2003; Tiersma, 2010; Tiersma, Curtis, 2008], в которых описываются экспланаторные структуры, помогающие популяризировать экспертное знание, носителями которого являются участники юридического сообщества. Следует, однако, отметить, что данные исследования проведены на материале английского языка, а проблемы асимметричного дискурсивного взаимодействия в других лингвокультурах остаются малоизученными.

В российской лингвистике особую актуальность проблемы асимметричного взаимодействия в юридическом поле получили в связи с возрождением в 1993 г. института суда присяжных. Данный экстралингвистический факт, а также теоретическая лакунарность, прослеживаемая в области прагмалингвистического изучения процесса дискурсивного взаимодействия в суде присяжных, предопределяют необходимость анализа основных дискурсивных стратегий репрезентации экспертного знания в судебных дискурсивных практиках, адресатом которых является носитель обыденного сознания.

Предполагая, что экспланаторные стратегии составляют идентифицируемое поле исследования в рамках более широкой области дискурс-анализа, в настоящей статье мы предприняли лингвистический анализ асимметричных дискурсив-

ных интеракций, направленных на выявление и описание экспланаторных стратегий, используемых в напутственном слове судьи с целью обеспечения доступности и понятности правовой информации присяжным заседателям. С учетом важной роли экспланаторных стратегий в асимметричном дискурсе основные вопросы, которые решаются в ходе настоящего исследования, могут быть сведены к следующим.

1. Какие экспланаторные стратегии используются в напутственном слове судьи для передачи правовой информации присяжным заседателям?

2. Какие экспланаторные стратегии являются наиболее частотными в анализируемом русскоязычном корпусе?

Таким образом, объектом исследования является процесс репрезентации экспертного знания в судебном дискурсе, а в качестве предмета выступают экспланаторные стратегии, необходимые для реализации данного процесса.

Обзор литературы

Исследования, проведенные зарубежными лингвистами, показали, что в процессе коммуникации эксперты и носители обыденного знания используют разные типы знания, что порождает сложный диалог, основанный на субъективной реконструкции феноменологического опыта, с одной стороны, и профессионального опыта, с другой [Anesa, 2009; 2016; Diamond, Levi, 1996; Frank, Applegate, 1998; Heffer, 2005; Nickerson, 1999; Tiersma, 1999; Tiersma, Curtis, 2008; Wiener et al., 1995]. Устранение асимметрии знания требует репрезентации экспертного знания средствами естественного языка, а упрощение и объяснение являются важными механизмами, способствующими пониманию профессиональных текстов непрофессионалами [Calsamiglia, van Dijk, 2004, p. 370].

Проблемам асимметричных интеракций в суде присяжных посвящен целый ряд работ зарубежных исследователей. Так, П. Тирсма [Tiersma, 1999] среди лингвистических особенностей, затрудняющих понимание юридических текстов, называет как сложные синтаксические конструкции, так и абстрактные юридические понятия. К. Хеффер [Heffer, 2005], исследовавший различные способы репрезентации правовой информации в дискурсе судьи, выявил два дискурсивных средства, которые помогают устранить асимметрию знания: лингвистическая аккомодация и симплификация. Исследователь утверждает, что коммуникативная асимметрия создает дискурсивное напряжение, которое проявляется как на уровне макролингвистических структур, так и на уровне языковых средств, которые отбираются для репрезентации правового знания. Юристы вынуждены прибегать к использованию дискурсивных стратегий, которые облегчают понимание правовой информации непрофессиональной аудиторией.

Проблемы асимметрии знания и способы ее преодоления рассматриваются и другими зарубежными исследователями [Anesa, 2016; Diamond, Levi, 1996; Elwork et al., 1977; Tiersma, Curtis, 2008]. Так, эксперимент, проведенный Р. Уинером и др. [Wiener et al., 1995] показал, что инструкции, содержащие дефиниции или дескрипции юридических терминов, не создают трудностей интерпретации правовых текстов. А. Элворк и др. [Elwork, 1977] выявили целый ряд психолингвистических приемов, которые помогают преодолеть асимметрию знания в зале суда (отказ от абстрактных понятий, юридических терминов и номинализаций). Э. Имвинкайрид и Л. Швед [Imwinkeiried, Schwed, 1987] описали четыре лингвистических метода, которые нивелируют асимметрию знания в зале суда: замена

абстрактных понятий и юридических терминов лексическими единицами естественного языка, упрощение синтаксических структур и сокращение длины предложений. Э. Гюлих [Gulich, 2003] полагает, что метафоры, примеры и сценарии помогают репрезентировать экспертное знание в суде присяжных, а К. Зейтсен [Zethsen, 2009], анализируя судебские инструкции, выделил три стратегии (перефразирование, реструктуризация и упрощение), посредством которых осуществляется перевод экспертного знания в обыденное.

В российском научном поле напутственное слово судьи как жанр юридического дискурса является менее изученным, что объясняется молодостью института суда присяжных в России. Однако и здесь можно найти исследования, в которых авторы анализируют те или иные аспекты данного жанра на стыке дискурс-анализа, теории речевых жанров и юрислингвистики. Так, примером стройной теории в данной области является концепция Н. Д. Голева, который полагает, что необходимость обслуживания потребностей обыденной коммуникации заставляет юристов приспособлять юридический закон к закономерностям и нормам естественного языка. Методологически важным для настоящего исследования представляется вывод о глубине различий семантики слова естественного языка и этого же слова в юридическом языке [Голев, 1999], поскольку «обыденное языковое сознание не может действовать иначе, чем в режиме субъективной интерпретации, мягкой семантизации и приблизительного отождествления» [Голев, 2006, с. 27].

Значимой для настоящего исследования является и работа Р. А. Ромашова, в которой автор высказывает точку зрения о том, что «совпадение термина с общепринятым словом лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [Ромашов, 2010, с. 55].

Интерес представляет и диссертационное исследование М. Е. Воробьевой [2014], в котором автор обращается к проблеме терминологизации и детерминологизации юридических терминов, интерпретационного функционирования юридических терминов в обыденном сознании. Выбрав в качестве методологического субстрата концепцию Н. Д. Голева, автор предполагает, что «ключевым фактором, обуславливающим множественность интерпретации юридических терминов, является разная природа профессионального и обыденного толкования» [Там же, с. 13]. В обыденном толковании, по мнению исследователя, доминирует чувственное начало, которое расширяет интерпретационное поле и приводит к семантической вариативности содержания юридических терминов.

Следует обратить внимание и на работу О. В. Барабаш [2015]. Важными представляются выводы автора о воздействии на юридический термин экстралингвистических факторов, которые оказывают влияние на его потенциал развития, а также о противопоставлении языка права как языка для специальных целей и естественного языка.

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблеме асимметричного коммуникативного взаимодействия в зале суда, позволяет заключить:

- 1) семантика слов естественного языка и юридического языка имеет глубокие различия;
- 2) отношения между юристами и присяжными заседателями предполагают наличие асимметрии знаний;

3) дискурсивное взаимодействие носителей экспертного и обыденного знания требует формирования совместного контекста интерпретации;

4) поскольку цель медиации экспертного знания состоит в том, чтобы репрезентировать экспертное знание непрофессиональной аудитории, герметичные особенности юридического дискурса должны быть нивелированы с помощью экспланаторных стратегий.

Материал и методы исследования

Корпус текстов напутственного слова судьи был составлен в соответствии с принципами корпусной лингвистики. Он включает инструкции российских судей, адресованные присяжным заседателям и размещенные на сайте *jurytrial.ru*. Все инструкции, включенные в корпус, были составлены после 2000 г., поскольку цель состояла в анализе синхронно сопоставимых текстов. В корпус были включены 22 текста общим объемом 51 647 слов. Выбор русскоязычных текстов инструкций обусловлен отсутствием работ, в которых экспланаторные механизмы выделяются и систематизируются на материале русского языка.

Для составления корпуса были отобраны инструкции, содержащие экспланаторные структуры, используемые с целью репрезентации правовой информации. Инструкции были отобраны в соответствии со следующими критериями:

1) наличие языковых средств актуализации экспланаторных стратегий, повышающих доступность правовой информации;

2) наличие юридических терминов, которые вызывают трудности понимания и интерпретации у лиц, не принадлежащих к экспертному сообществу юристов.

В ходе исследования использовались аналитические методы. В основной части статьи представлены два типа анализа. Интерпретативный анализ позволил выявить разновидности экспланаторных стратегий, используемых судьями. Количественный анализ выявил частотность использования данных стратегий в анализируемом корпусе, а также позволил определить среднюю частоту встречаемости глаголов, вводящих определения юридических терминов. Помимо анализа глаголов, вводящих определения, были выявлены типы дескриптивных структур и средняя частота их встречаемости в корпусе, представлено процентное соотношение наиболее частотных иллюстративных маркеров.

Экспланаторные стратегии в напутственном слове судьи

1. Дефиниция

Дефиниции используются для раскрытия содержания понятия путем перечисления его отличительных признаков. Ниже приведен фрагмент напутственного слова, который содержит дефиницию юридического понятия *хищение*:

Под **хищением** понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Юридическое понятие *хищение* подвергается процедуре семантического развертывания путем перечисления ключевых признаков данного противоправного действия. Определение позволяет избежать неправомерного отождествления обыденного понятия хищения и его трактовки законодателем. Еще один пример:

Убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку.

Судья пытается устранить проблемы понимания юридического термина «убийство», предлагая его определение. Во фрагменте используется дефиниционный маркер «это», отделенный от термина с помощью знака «тире».

В ходе эмпирического анализа были обнаружены две дефиниционные структуры:

Юридические термин + дефиниция;
Дефиниция + юридический термин.

Наиболее часто используется прием смежного расположения, когда за юридическим термином следует его определение, вводимое морфологическими формами глаголов «понимать», «определять» или маркером «это», которому предшествует пунктуационный знак «тире»:

Под соучастием в преступлении закон **понимает** совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Заключение эксперта и его показания – **это** заключение или показания специалиста в области каких-либо знаний.

Как видно из табл. 1, глагол «понимать» является наиболее частотным лингвистическим инструментом, вводящим определения юридических терминов. Это позволяет предположить, что судьи редко прибегают к семантическим вариациям, используя ограниченный набор языковых средств.

Таблица 1

Частотность дефиниционных маркеров в корпусе

Table 1

Frequency of definition markers in the corpus

Дефиниционный маркер	Частотность, %
Понимается	38,3
(закон) понимает	25,5
(следует) понимать	13,6
определяется	12,1
это	10,5

В ходе анализа был обнаружен модальный глагол «следует» в сочетании с глаголом «понимать». Инструмент деонтической модальности позволяет сделать вывод об облигаторности предлагаемого судьей определения: юридическое понятие нужно трактовать именно так, а не иначе. Приведем пример:

Под незаконной передачей предметов преступления **следует понимать** их незаконное предоставление лицами, у которых они находятся, посторонним лицам для временного использования или хранения.

2. Дескрипция

Наряду с дефинициями, судьи часто используют дескрипции, которые, в отличие от дефиниций, имеют более простую структуру и представляют собой не парадигматическое перечисление признаков объекта, позволяющее сузить объем

и ограничить содержание определяемого понятия, а описание объекта через раскрытие его связей с другими объектами. Осуществляется толкование используемого термина с применением наиболее оптимальных языковых средств для обеспечения доступности излагаемой информации носителю обыденного знания. В отличие от дефиниций, дескрипции имеют нарративный, а не парадигматический характер и ограничивают использование специализированной лексики. Использование дескриптивной стратегии позволяет снизить терминологическую плотность текста и повысить плотность фактологическую, что также отличает эту стратегию от предыдущей.

Отличие между дефинициями и дескрипциями можно проследить и на уровне их объема: термин, как правило, определяется в границах одного предложения, а дескрипция может занимать целый абзац текста. Рассмотрим пример, в котором судья поясняет понятие «разумные сомнения», используя дескрипцию объемом в абзац, состоящий из двух длинных сложных предложений:

Сомнения должны толковаться в пользу подсудимого. Но не все, а только разумные и неустраняемые. Что такое **разумные сомнения**? Это такие сомнения, которые можно разумно объяснить, основанные на здравом смысле, а не на предвзятом мнении, предположениях, воображениях, чувстве симпатии или антипатии к подсудимому, желании угодить общественному мнению, оправдать ожидания друзей.

В ходе анализа были обнаружены случаи описания правового явления или процесса, которое предваряет его упоминание. Следующий пример иллюстрирует данный случай:

Показания подсудимого, потерпевших, свидетелей, заключения и показания экспертов, протоколы следственных действий, вещественные доказательства и различные документы, оглашенные в ходе судебного следствия, – это **доказательства по делу**, которые вам следует оценить, проанализировать в совещательной комнате.

В нижеприведенном примере юридический термин «прямой умысел» получает семантическое развертывание в результате использования двух экспланаторных стратегий: за дескрипцией следуют примеры из повседневной жизни.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа может быть совершено только с **прямым умыслом**. То есть при производстве выстрелов в одного или нескольких потерпевших стреляющий осознает неправомочность своих действий и не просто допускает, а предвидит возможность наступления в результате его выстрелов смерти человека и желает именно этого – лишить жизни сотрудника милиции.

Следующий пример – комбинация двух стратегий – дефиниции и дескрипции:

Умышленное убийство из хулиганских побуждений, то есть убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение. Это преступление совершается без повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства. При убийстве из хулиганских побуждений выбор жертвы бывает случайным. Суть в том, что виновное

лицо желает противопоставить свое «Я» другому человеку. Хулиганские побуждения бессмысленны и безрассудны с точки зрения здравого смысла. Виновное лицо как бы самоутверждает значимость своей персоны в глазах других при совершении убийства.

Таким образом, в ходе эмпирического анализа корпуса были выявлены четыре дескриптивные структуры:

- Дескрипция + юридический термин;
- Юридический термин + дескрипция;
- Юридический термин + дефиниция + дескрипция;
- Юридический термин + дескрипция + пример.

В табл. 2 представлена частотность данных дескриптивных структур в анализируемом русскоязычном корпусе.

Таблица 2

Частотность комбинированных экспланаторных структур, включающих дескрипции

Table 2

Frequency of combined explanatory strategies, including descriptions

Типы комбинированных экспланаторных структур, включающих дескрипции	Частотность, %
Дескрипция + юридический термин	37,2
Юридический термин + дескрипция	32,1
Юридический термин + дефиниция + дескрипция	16,8
Юридический термин + дескрипция + пример	13,9

3. Экземплификация

Экземплификация представляет собой экспланаторную стратегию, основанную на использовании конкретных примеров. Она позволяет судье репрезентировать правовое знание и объяснять сложные юридические понятия в контексте повседневного опыта, что улучшает понимание присяжными заседателями обстоятельств рассматриваемого дела и юридических категорий, используемых в процессе инструктирования. Сравнивая юридические категории с объектами и сценариями реальной действительности, судья помогает сформировать их ментальные репрезентации. Приведем пример.

Изложенное в законе понятие о **неосторожных преступлениях** сложно для понимания. Поэтому я вам просто расскажу о классических примерах совершения убийства по неосторожности. **Например**, лицо, не желая смерти потерпевшего и не допуская ее наступления, наносит удар в голову потерпевшего. У здорового человека от такого удара имелись бы только легкие телесные повреждения. Но в данном случае у пострадавшего было заболевание сосудов головного мозга, и от нанесенного ему одного удара произошло кровоизлияние в мозг, человек умер. **Другой пример**. Лицо также наносит удар, тоже не желая и не допуская смерти потерпевшего, который падает, ударяется о твердое, допустим, бетонное покрытие и умирает от черепно-мозговой травмы, полученной при падении, а не непосредст-

венно от полученного удара. При таких обстоятельствах налицо **неосторожные убийства**.

Юридический термин «неосторожное убийство» объясняется путем экземплификации, которая помогает непрофессиональной аудитории понять его значение. Об использовании данной стратегии сигнализирует маркер *например*.

Эмпирический анализ показал, что наиболее предпочтительным способом введения стратегии экземплификации является ссылка на конкретные ситуации, близкие к повседневному опыту присяжных заседателей. Примеры вводятся с использованием четырех маркеров: *например, в частности, в том числе и такой(ие) как*. В следующем примере на использование стратегии экземплификации указывает маркер «в частности»:

К огнестрельному оружию относятся, **в частности**, винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы...

В табл. 3 представлено процентное соотношение наиболее частотных иллюстративных маркеров.

Таблица 3
Частотность иллюстративных маркеров в корпусе

Table 3
Frequency of exemplification strategies in the corpus

Иллюстративный маркер	Частотность, %
Например	50,1
В частности	21,3
В том числе	16,9
Такие как	11,7

Таким образом, экземплификация – это стратегия репрезентации экспертного знания путем апелляции к повседневному опыту адресата. Данная стратегия играет важную роль в процессе взаимодействия с непрофессиональной аудиторией, способствуя созданию связного текста посредством соотнесения абстрактных понятий с фрагментами повседневного опыта.

4. Метафоризация

В процессе коммуникации метафоры выполняют три функции: привлекают внимание читателя, структурируют и объясняют абстрактные понятия, а также организуют текст в виде нарратива [Samus, 2009]. Если речь защитника или обвинителя полна примеров, метафор и юмора, нетрудно удержать внимание присяжных в течение длительного времени [Bugliosi, 1996]. Будучи когнитивным инструментом, метафоры устанавливают связи между двумя областями: сферой источника и сферой мишени, заставляя нас игнорировать другие аспекты, которые несовместимы с данной метафорой [Lakoff, Johnson, 2003, p. 10].

Метафоризация помогает онтологизировать экспертное знание в обыденном сознании адресата [Крапивкина, 2018]. Правовая сфера является настолько абстрактной, что для описания юридических категорий требуются образные слова

и выражения, которые вызывают конкретные и понятные ассоциации, а метафоры успешно достигают цели сообщения новых знаний, выполняя познавательную функцию.

С помощью метафоры две разрозненные области связываются когнитивными и эмоциональными отношениями, а язык одной из них становится «объективом» для наблюдения за другой. Метафора участвует в процессах категоризации знаний и структурировании мира, обеспечивая понимание сложных объектов в малоизученной сфере. Метафоризация выступает эффективным лингвокогнитивным механизмом передачи необходимой информации, раскрытия смысла и, следовательно, формирования дискурса согласования в условиях асимметричной коммуникации. Она «выполняет функцию конституирования и выражения (представления) элементов нового знания» [Шатин, Силантьев, 2019, с. 397].

Создавая метафорические образы физического мира, судья упрощает процесс понимания присяжными сложных юридических категорий. В анализируемом корпусе судебных инструкций была найдена 41 концептуальная метафора (приблизительно 2,3 метафоры на один текст). Анализ показал преимущественное использование спортивных и военных метафор (*битва, противник, состязание, вторгаться, позиция защиты, арсенал правовых средств, правила игры*). Приведем фрагмент, в котором юридическое понятие *судебное заседание* объясняется с помощью спортивной метафоры *марафон*:

Судебное заседание – это многомесячный длительный **марафон**, в котором представители государственного обвинения и защитники спорят друг с другом, оспаривают те или иные положения...

Простое, запоминающееся сравнение со знакомым всем видом спорта позволяет объяснить присяжным значение юридического понятия *судебное заседание*, которое концептуализируется как забег на длинную дистанцию. Судья осознает, что метафора лишена признака «точность», присущего термину, однако ее использование необходимо для формирования совместного контекста интерпретации, одинаковой интерпретанты в возможных мирах юристов и присяжных. Суть судебного заседания, переданная через созданный образ спортивного состязания, становится доступной для совместной интерпретации.

Ваша задача – тщательная **работа с фундаментом**. И выбрав, например, доказательство, подтверждающее вину, вы должны проанализировать, имеются ли в этом фундаменте другие доказательства, которые дополняют его или обуславливают его. И если это так, то тогда доказательства становятся убедительными, не оставляющими сомнений. Это и есть **оценка доказательств в их совокупности**.

Устанавливая связь между двумя сферами – строительством и правом, метафора «работа с фундаментом» позволяет присяжным понять значение юридического термина «оценка доказательств в их совокупности». Делая правовую информацию доступной носителям обыденного знания, метафоры уменьшают степень коммуникативной поляризации и нивелируют асимметрию знания.

Таким образом, с помощью метафор актуализируются закрепленные в сознании присяжных ассоциации, которые облегчают восприятие правового знания. Метафора способна задавать способ понимания профессиональной области, поскольку связана с архетипическим базисом сознания человека. Однако точность, присущая термину как знаку экспертного сообщества, утрачивается.

5. Синонимизация

Менее частотной стратегией репрезентации экспертного знания в дискурсе судьи является синонимизация. Использование знаков обыденного языка в качестве синонимов специальных терминов не приветствуется в любом профессиональном дискурсе, поскольку они размывают точность термина и порождают множественные интерпретанты. Тем не менее, судьи время от времени поясняют значение юридических терминов, обращаясь к использованию синонимов, которые предполагают определенную степень семантической эквивалентности между референциальным и исходным значениями.

Если показания подсудимого **непоследовательные, то есть противоречивые**, это не означает, что подсудимый сознает свою вину.

Эмпирический анализ исследуемого корпуса текстов показал, что единственным маркером, указывающим на использование стратегии синонимизации, является союз *то есть* (26 употреблений). Другие маркеры, вводящие синонимические выражения в экспланаторные конструкции (*другими словами, иначе говоря*) и указывающие на процедуру перефразирования, в корпусе отсутствовали.

Выводы

В статье была предпринята попытка описания экспланаторных стратегий, используемых в текстах напутственного слова с целью репрезентации правовой информации и преодоления когнитивно-коммуникативных проблем, возникающих в процессе взаимодействия асимметричных субъектов. Для выявления экспланаторных стратегий, используемых в условиях асимметрии знания, анализу подверглись 22 судебные инструкции. Выявленные особенности экспланаторных стратегий позволяют провести четкие различия между ними:

- 1) дефиниции эксплицируют значения термина посредством указания на отличительные признаки объектов, явлений, процессов, имеют парадигматический характер и ограничены одним предложением;
- 2) дескрипции используются для нарративной передачи экспертного знания посредством установления его связи с обыденными знаниями и часто выходят за рамки одного предложения;
- 3) примеры представляют собой апелляции к событиям повседневной жизни;
- 4) метафоры организуют взаимодействие между двумя сферами знания на основе их признакового или функционального сходства, в результате которого профессиональные категории приближаются к повседневному опыту;
- 5) синонимы являются знаками естественного языка, имеющими схожие значения со знаками, используемыми для обозначения абстрактных юридических категорий.

Количественный анализ экспланаторных стратегий показал, что дефиниции и дескрипции, составляющие 31,3 и 26,2 % всех стратегий, обнаруженных в корпусе, являются наиболее частотными, в то время как метафоризация и синонимизация используются гораздо реже (10,8 и 9,9 % соответственно) (табл. 4). Отчасти это различие связано с тем, что метафоры размывают значения специальных терминов, а примеры передают неполную информацию о юридических категориях. Более того, объяснение юридических понятий путем апелляции к событиям, которые составляют часть повседневного опыта присяжных, снижает концептуальную

сложность, но при этом увеличивает объем информации, что крайне нежелательно в условиях асимметричной коммуникации.

Таблица 4

Частотность экспланаторных стратегий в корпусе

Table 4

Frequency of explanatory strategies in the corpus

Экспланаторная стратегия	Частотность, %
Дефиниция	31,3
Дескрипция	26,2
Экземплификация	20,6
Метафоризация	10,8
Синонимизация	9,9

Представленная работа, выполненная на пересечении интересов современной дискурсологии, теории речевых жанров и юрислингвистики, обозначила вектор изучения проблем асимметричного взаимодействия в институциональном поле с опорой на представления российских исследователей о разной природе профессионального и обыденного понимания терминов, используемых в юридическом поле. Расширение методологической базы либо аспектов коммуникативных интеракций в условиях асимметрии знания может стать основой для дальнейших исследований. Интересно сравнить экспланаторные стратегии, используемые российскими и американскими или британскими судьями. Кроме того, интерес представляют и способы устранения асимметрии знания, применяемые экспертами из других областей (медицина, биология, инженерия, банковское дело), в других дискурсивных практиках, участниками которых являются носители разных типов знания, где одному из коммуникантов важно быть альтероцентриком, ориентироваться на адресата для формирования эффективного диалога.

Список литературы

Барабаш О. В. Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов // Вестник Моск. гос. гуманит. ун-та им. М. А. Шолохова. 2015. Вып. 2. С. 39–51.

Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 164 с.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 11–58.

Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 8–38.

Крапивкина О. А. Дискурс согласования как результат интегрирования «возможных миров» коммуникантов (на материале судебных речей) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 2 (55). С. 45–50.

Ромашов П. А. Интерпретация права: лингвистический и техникоюридический аспекты // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: Сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. С. 52–58.

Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Новая риторика Х. Перельмана и приемы риторической аргументации в работах А. Пуанкаре // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 392–401. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-392-401

Anesa P. Now you are getting into the law: mediation of specialized language in a jury trial // *Fachsprache*. 2009. Vol. 1–2. P. 64–82.

Anesa P. The deconstruction and reconstruction of legal information in expert-lay online interaction // *ESP Today*. 2016. Vol. 4 (1). P. 69–86.

Bugliosi V. *Outrage: The Five Reasons Why O. J. Simpson Got away with Murder*. New York: Island Books, 1996. 500 p.

Calsamiglia H., Dijk T. A. van. Popularization discourse and knowledge about the genome // *Discourse and Society*. 2004. Vol. 15 (4). P. 369–389.

Camus J. W. Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // *Discourse Studies*. 2009. Vol. 11 (4). P. 465–495.

Ciapuscio G. E. Formulation and reformulation procedures in verbal interactions between experts and (semi-)laypersons // *Discourse Studies*. 2003. Vol. 5 (2). P. 207–223.

Diamond S. S., Levi J. N. Improving decisions on death by revising and testing jury instructions // *Judicature*. 1996. Vol. 79. P. 224–232.

Elwork A., Sales B. D., Alfini J. J. Juridic decisions: In ignorance of the law or in light of it? // *Law and Human Behavior*. 1977. Vol. 1. P. 163–189.

Frank J., Applegate B. K. Assessing juror understanding of capital-sentencing instructions // *Crime and Delinquency*. 1998. Vol. 44. P. 412–433.

Gotti M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse // *Ibérica*. 2014. Vol. 27. P. 15–34.

Gülich E. Conversational techniques used in transferring knowledge between medical experts and non-experts // *Discourse Studies*. 2003. Vol. 5. P. 235–263.

Heffer C. *The language of jury trial*. Houndmills: Palgrave, 2005. 253 p.

Imwinkeiried E. J., Schwed L. R. Guidelines for drafting understandable jury instructions: An introduction to the use of psycholinguistics // *Criminal Law Bulletin*. 1987. Vol. 23. P. 135–150.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003. 256 p.

Nickerson R. S. How we know – and sometimes misjudge – what others know: imputing one's own knowledge to others // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. P. 737–759.

Rose G. V., Ogloff J. Evaluating the comprehensibility of jury instructions: A method and an example // *Law and Human Behavior*. 2003. Vol. 25. P. 409–431.

Tiersma P. *Legal Language*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999. 314 p.

Tiersma P. Redrafting California's jury instructions // Coulthard M., Johnson A. (eds.). *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London: Routledge, 2010. P. 251–264.

Tiersma P., Curtis M. Testing the comprehensibility of jury instructions: California's old and new instructions on circumstantial evidence // *Journal of court innovation*. 2008. Vol. 1. P. 231–264.

Wiener R. L., Pritchard C. C., Weston M. Comprehensibility of approved jury instructions in capital murder cases // *Journal of Applied Psychology*. 1995. Vol. 80. P. 455–467.

Zethsen K. Intralingual Translation: An Attempt at Description // Meta. 2009. Vol. 54 (4). P. 795–812.

References

Anesa P. Now you are getting into the law: mediation of specialized language in a jury trial. *Fachsprache*. 2009, vol. 1–2, pp. 64–82.

Anesa P. The deconstruction and reconstruction of legal information in expert-lay online interaction. *ESP Today*. 2016, vol. 4 (1), pp. 69–86.

Barabash O. V. Razgranichenie omonimii i polisemii yuridicheskikh terminov [Differentiation of homonymy and polysemy of legal terms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 2015, vol. 2, pp. 39–51.

Bugliosi V. *Outrage: The Five Reasons Why O. J. Simpson Got away with Murder*. New York, Island Books, 1996, 500 p.

Calsamiglia H., Dijk T. A. van. Popularization discourse and knowledge about the genome. *Discourse and Society*. 2004, vol. 15 (4), pp. 369–389.

Camus J. W. Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press. *Discourse Studies*. 2009, vol. 11 (4), pp. 465–495.

Ciapuscio G. E. Formulation and reformulation procedures in verbal interactions between experts and (semi-) laypersons. *Discourse Studies*. 2004, vol. 5 (2), pp. 207–233.

Diamond S. S., Levi J. N. Improving decisions on death by revising and testing jury instructions. *Judicature*. 1996, vol. 79, pp. 224–232.

Elwork A., Sales B. D., Alfini J. J. Juridic decisions: In ignorance of the law or in light of it? *Law and Human Behavior*. 1977, vol. 1, pp. 163–189.

Frank J., Applegate B. K. Assessing juror understanding of capital-sentencing instructions. *Crime and Delinquency*. 1998, vol. 44, pp. 412–433.

Golev N. D. Pravovaya kommunikatsiya v zerkale estestvennogo yazyka [The legal aspect of language in linguistic coverage]. In: *Yurislingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii: Sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication: Coll. of sci. works]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2006, pp. 8–38.

Golev N. D. Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [The legal aspect of language in linguistic coverage]. In: *Yuris-lingvistika-1: Problemy i perspektivy: Sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-1: Problems and prospects: Coll. of sci. works]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 1999, pp. 11–58.

Gotti M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse. *Ibérica*. 2014, vol. 27, pp. 15–34.

Gülich E. Conversational techniques used in transferring knowledge between medical experts and non-experts. *Discourse Studies*. 2014, vol. 5, pp. 235–263.

Heffer C. *The language of jury trial*. Houndmills, Palgrave, 2005, 253 p.

Imwinkeiried E. J., Schwed L. R. Guidelines for drafting understandable jury instructions: An introduction to the use of psycholinguistics. *Criminal Law Bulletin*. 1987, vol. 23, pp. 135–150.

Krapivkina O. A. Diskurs soglasovaniya kak rezul'tat integrirvaniya “vozmoznykh mirov” kommunikantov (na materiale sudebnykh rechey) [Discourse of concord as a result of integration of “possible worlds” of communicants (based on courtroom speeches)]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015, vol. 2 (55), pp. 45–50.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 2003, 256 p.

Nickerson R. S. How we know – and sometimes misjudge – what others know: imputing one's own knowledge to others. *Psychological Bulletin*. 1999, vol. 125, pp. 737–759.

Romashov R. A. Interpretatsiya prava: lingvisticheskiy i tekhniko-yuridicheskiy aspekty [Interpretation of law: linguistic and technical-legal aspects]. In: *Yurislingsvika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya: Sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-10 Linguoconflictology and jurisprudence: Coll. of sci. works]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2010, pp. 52–58.

Rose G. V., Ogloff J. Evaluating the comprehensibility of jury instructions: A method and an example. *Law and Human Behavior*. 2003, vol. 25, pp. 409–431.

Shatin Yu. V., Silant'ev I. V. Novaya ritorika Kh. Perel'mana i priemy ritoricheskoy argumentatsii v rabotakh A. Puankare [Perelman's new rhetoric and methods of rhetorical argumentation in the works of A. Poincaré]. *Critique and Semiotics*. 2019, vol. 2, pp. 392–401. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-392-401

Tiersma P., Curtis M. Testing the comprehensibility of jury instructions: California's old and new instructions on circumstantial evidence. *Journal of court innovation*. 2008, vol. 1, pp. 231–264.

Tiersma P. *Legal Language*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1999, 314 p.

Tiersma P. Redrafting California's jury instructions. In: M. Coulthard, A. Johnson (Eds.). *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London, Routledge, 2010, pp. 251–264.

Vorob'eva M. E. *Interpretatsionnoe funktsionirovanie yuridicheskogo yazyka v obydennom soznanii (na materiale tolkovaniy yuridicheskikh terminov ryadovymi nositelyami russkogo yazyka)* [Interpretive functioning of the legal language in everyday consciousness (on the material of interpretations of legal terms by ordinary native speakers of the Russian language)]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2014, 164 p.

Wiener R. L., Pritchard C. C., Weston M. Comprehensibility of approved jury instructions in capital murder cases. *Journal of Applied Psychology*. 1995, vol. 80, pp. 455–467.

Zethsen K. Intralingual Translation: An Attempt at Description. *Meta*. 2009, vol. 54 (4), pp. 795–812.

Информация об авторе

Ольга Александровна Богинская, доктор филологических наук, доцент

Information about the author

Olga A. Boginskaya, Doctor of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 09.12.2020;
одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 15.06.2021
The article was submitted 09.12.2020;
approved after reviewing 15.06.2021; accepted for publication 15.06.2021*